

роде певческого звука, о развитии голосовых данных, о режиме певца.

Тепло написана глава «Россия», рассказывающая о двух концертных поездках в Советский Союз, совершенных Мариан Андерсон со своим аккомпаниатором Кости Веханеном зимой 1936 и летом 1937 гг. Артистка встретила в нашей стране исключительно теплый, сердечный прием. Вот как она описывает свой первый концерт в Ленинграде: «...После исполнения "spirituals" концерт должен был закончиться. От рояля до кулис было довольно далеко, и пока мы с Кости шли не оборачиваясь, позади нас усиливался шум. Он все рос и ширился и, когда мы пришли в артистическую комнату, этот шум вырос до грохота. Нам казалось, что сотрясается все здание.

— Что случилось? — спросила я.

„СТРАННАЯ ЖЕНЩИНА“ ЖЮЛЯ РОМЕНА

Jules Romain. Une femme singulière. Paris, Flammarion, 1957.

Последний роман Жюль Ромена «Странная женщина» несомненно нашел во Франции читателей. Вероятно, круг их узок, но есть все основания полагать, что состоит он из особ блистательных и влиятельных. Книга Ромена — упоенный рассказ о жизни и приключениях представителей «высшего света», весьма поучительное чтение для господина префекта парижской полиции, господина министра национальной обороны и даже для самого председателя совета министров. Надо отдать справедливость Жюлю Ромену: его роман — не просто светская сплетня. Писатель всерьез озабочен судьбами Должностей и Должностных лиц. Он руко-

— Не знаю, — отвечал Кости, смущенный не меньше меня.

Молодая женщина вошла в комнату и попросила нас выйти на сцену. Мы вышли, и то, что предстало перед нашими глазами, поразило нас. Половина публики — та половина, которая сидела в задних рядах, — ринулась в проходы и плотным кольцом окружила сцену. Те, которые сидели у самой сцены, стучали по ней кулаками. Низкие голоса гремели с русским акцентом "Deep River", "Heaven, Heaven". Мы исполнили несколько номеров на бис...»

Во время второго приезда в СССР М. Андерсон встретила с К. С. Станиславским. Станиславский предложил М. Андерсон поработать под его руководством над партией Кармен. Это предложение глубоко тронуло и взволновало артистку. Однако обширный план гастрольных выступ-

лений в Европе и Америке, а затем смерть Станиславского помешали осуществлению этого проекта.

Вспоминает М. Андерсон и о встрече с композитором М. М. Ипполитовым-Ивановым, в доме которого она познакомилась со многими деятелями советского искусства, и о посещении советского «короля джаза» Леонида Утесова.

Богатая фактическим материалом, проникнутая сознанием высокой ответственности перед искусством и перед своим обездоленным народом, книга Мариан Андерсон читается с живым интересом. Читатель проникается доверием и уважением к автору, глубоким сочувствием к судьбе талантливой негритянской артистки, к ее трудной, полной суровых испытаний борьбе за права человека, за права художника.

Г. Шнейерсон.

водствуется, по-видимому, прежде всего государственными интересами. И вся история, которую мы сейчас перескажем, есть не что иное, как нравочение для взрослых, басня с моралью.

Молодой парижанин, студент юридического факультета Анри Шоврель хочет жениться на своей однокурснице Женевьеве. Казалось бы, ничто не мешает их союзу. И все-таки перед влюбленными возникает препятствие. Виной всему — роковая мысль, которая приходит в голову будущему молодому. Это злосчастная мысль имеет, с точки зрения автора, глубокую социальную основу.

Анри Шоврель — единственный сын умершего богача, профессора-юриста; мать Анри — блестящая светская дама, хозяйка изысканного парижского салона. Дипломаты, министры и знаменитые банкиры пьют в ее доме коктейли и обсуждают последние новости. А родители Женевьевы — люди среднего достатка, добропорядочные и

респектабельные буржуа. Анри, вынужденный вести в доме матери великосветский образ жизни, осуждает своих знакомых за суетность, «дурной запах». С его точки зрения, круг Женевьевы куда более «нравственно элегантен». Противопоставление богатых буржуа — буржуа очень богатым составляет одну из центральных «проблем» книги и приводит к «острому конфликту». Конфликт этот оказывается в конце концов неразрешимым. Средняя буржуазия честнее и нравственно устойчивее крупной, но зато вульгарнее и пошлее; этически превосходит ее, но с эстетической точки зрения невыносима.

Попивая кофе в обществе своей невесты, Анри вдруг задумывается: откуда же, собственно, его мать добывает деньги? Как она ни богата, размышляет Анри, но все-таки живет не по средствам. Что если мать, женщина еще не старая и привлекательная, находится на содержании у когонибудь из завсегдаев

своего салона — скажем, посла одной из стран Латинской Америки или французского военного министра? Имеет ли он право ввести свою чистую молодую жену в дом, где живет продажная женщина?

Правда, сама Женевьева придерживается несколько другого мнения на этот счет. Она порывается сказать, что люди, «трагически воспринимающие» подобные ситуации, уже давно вышли из моды; однако тут же спохватывается: такие мысли нельзя высказывать перед Анри — юношей «высокой нравственной чистоты», достойным членом общества «Все или ничего».

«Все или ничего» — современная капиталистическая утопия, сочиненная Жюлем Роменом, очевидно, для того, чтобы заменить устаревший для буржуазии гуманизм Телемской обители Рабле. Жюль Ромен трогательно и возвышенно пишет о союзе молодых капиталистов, объединившихся на основе стремления к нравственному очищению: «Моральное разложение молодежи, к которой мы принадлежим, внушает нам отвращение... Мы хорошо знаем, что будем совершать ошибки, что и у нас будут недостатки. Однако мы не станем искать ни оправданий, ни смягчающих обстоятельств. Мы постараемся давать беспощадную оценку». Чтобы предохранить свой класс от морального разложения, «все-или-ничегошники» занимаются на своих собраниях яростным саморазоблачением или разоблачением своих близких. При этом они старательно оговариваются, что их деятельность не имеет ничего общего с «коммунистической самокритикой». Еще бы!

Руководимый высокими моральными соображениями, Анри начинает тайком разведывать источник доходов своей матери. Он отправляется к поверенному в денежных делах семьи. Из разговора с нотариусом становится ясно — увы, слишком ясно! — что дело нечисто. Так начинается детективная линия книги

Жюля Ромена, которая ставит ее ниже даже «полицейских романов», где авторы как-никак стремятся сохранить естественность в «разматывании клубка».

С помощью нотариуса и профессора Клавье (старого друга отца) Анри выясняет, во-первых, что мать его действительно живет не по средствам, во-вторых, что она ему вовсе не мать, а мачеха, и, наконец, что она не просто странная женщина, а женщина странная во всех отношениях.

Нравственный ригорист Анри не очень-то стеснялся шпионить за госпожой Шоврель и тогда, когда считал ее своей родной матерью. Теперь же, когда госпожа Шоврель оказывается лишь женой его покойного отца, женщиной, заменившей ему мать, он не знает никакого удержу. Если он соблюдает известную осторожность, то только потому, что нотариус посоветовал ему сперва уговорить тайно преследуемую женщину произвести раздел имущества и лишь после этого нанести ей смертельный удар. Благодаря стараниям Анри стремительно возрастает число доносов, помогающих раскрыть подлинное лицо госпожи Шоврель. Прелестная аристократка оказывается опасной политической авантюристкой. Господин префект парижской полиции вынужден лично заняться изучением ее досье: дело в том, что префект, представленный Жюлем Роменом как «самый человечный человек на свете», очень беспокоится за своего приятеля министра национальной обороны, который собирается сделать «странную женщину» своей законной женой. На страже интересов наивного министра-холостяка стоит не только префект, но и сам председатель совета министров, который, потягивая коктейли в доме госпожи Шоврель, мучается сомнениями насчет ее добропорядочности.

Выше мы отметили существенную черту романа. Ни префект, ни министр национальной обороны, ни

председатель совета министров не имеют имен, и роман этот представляется притчей о государственных мужах, к которым втерлась в доверие опасная интриганка, призывом к «чистоте рядов» высшей капиталистической бюрократии.

Остается упомянуть еще об одной характерной стороне последнего романа Жюля Ромена.

Кем же в конце концов оказывается загадочная женщина, волнующая умы и чувства столь влиятельных должностных лиц? Ну конечно же, советской шпионкой!

История не доведена в книге до конца. Совместные усилия Анри, префекта и полицейских инспекторов приводят к тому, что кольцо вокруг «странной женщины» смыкается. И вдруг эта изобретательная, так и не пойманная с поличным женщина в один прекрасный день удаляется в монастырь. Автор обещает нам продолжение, в котором он прольет свет на все белые пятна в биографии героини. Каких только чудес не станешь ожидать от автора, столь озабоченного правдой жизни! Читатель «Странной женщины» не очень удивится, если госпожа Шоврель окажется переодетым мужчиной, русской княгиней или папой римским. В мире безвкусной выдумки возможно решительно все.

Элементы пошловатой светскости и дешевого детектива были присущи романам Жюля Ромена даже в лучшую пору его писательской деятельности. Надо ли доказывать, что его «Странная женщина» свидетельствует о полной деградации писателя.

В последних книгах Жюля Ромена мы явственно видим апологию капитализма, лакейскую заботу об его «здоровлении», полное игнорирование интересов французского народа. Тем самым Жюль Ромен поставил себя вне пределов большой литературы. Литературные качества «Странной женщины» это вполне подтверждают.

И. Шкуназов